

DOI: 10.24411/2308-8079-2018-00012

УДК 355.48(470.2)

**РОССИЙСКО-ШВЕДСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В КАРЕЛИИ
(XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные события и ход российско-шведского противостояния на второстепенном, но значимом театре боевых действий, вплотную прилегавшем к северным границам Российской империи. Выявлены специфические черты разнообразных военных мероприятий, а также позиция местного населения по вопросу об участии в борьбе с внешним врагом. Основное внимание уделено трем конфликтам Российского государства со Швецией в течение XVIII в. Итогом противостояния стали победы русского оружия и присоединение Финляндии к Российской империи в начале XIX в.

Ключевые слова: война, конфликт, граница, вооруженные силы, оборона, крестьянство.

**RUSSIAN-SWEDISH CONFRONTATION IN KARELIA
(18TH – EARLY 20TH CENTURIES)**

Pulkin M.V.

The article discusses the main events and the course of the Russian-Swedish confrontation in the secondary but significant theater of military operations closely adjacent to the northern borders of the Russian Empire. Specific features of a variety of military activities as well as the position of the local population on the issue of participation in the fight against external enemies are identified. The main attention is focused on the three conflicts between Russia and Sweden during the 18th century. As the result of the confrontation there were the victories of the Russian arms and the interconnection of Finland to the Russian Empire at the beginning of the 19th century.

Keywords: war, conflict, border, armed forces, defense, peasantry.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9).

Заключенный в 1661 г. Кардисский мирный договор привел к временной нормализации отношений между Россией и Шведским королевством. Россия не могла смириться с потерей земель, дававших стране жизненно необходимый выход к Балтийскому морю. Борьба за их скорейшее возвращение оставалась важнейшей стратегической задачей российской внешней политики. Окончательно утвердившийся на престоле после отстранения в 1689 г. от власти царевны Софьи молодой и энергичный царь Петр I пришел к выводу, что международная обстановка вполне благоприятствует военному решению вопроса о выходе к Балтике. В 1700 г. Россия в союзе с Данией и Саксонией выступила против Швеции, находившейся в зените своего могущества. Началась Великая Северная война, длившаяся до 1721 г. и вошедшая в историю как один из крупнейших международных конфликтов XVIII в. [12, с. 24].

Цель данной статьи состоит в рассмотрении проблем истории русско-шведского противостояния в Карелии как части вооруженного конфликта за выход к Балтийскому морю, а также успешного предотвращения Россией попыток реванша, предпринятых шведской стороной.

Северная война наложила глубокий и разносторонний отпечаток на жизнь Карелии, граничившей с владениями Швеции. Боевые действия, особенно в первые годы конфликта, разворачивались в непосредственной близости, а частично и на самой территории края. Местное население, вовлеченное в боевые действия и обязанное трудиться на военных предприятиях, в полной мере ощутило тяготы петровских преобразований, призванных поднять экономический и оборонный потенциал России и обеспечить ей победу над одной из ведущих европейских держав. С начала Северной войны (1700-1721 гг.) олонечские крестьяне обязывались «поставлять лошадей и подводы для

перевозок военных грузов, давать постои войскам, обеспечивая их провиантом и фуражом, выделять плотников и кузнецов для казенных работ» [7, с. 175].

Царское правительство не провело на территории Карелии необходимые мероприятия по укреплению обороны порубежного края. В результате и Беломорская, и Приладожская Карелия оказались беззащитными. В Беломорье основными пунктами обороны оставались Сумский и Кемский остроги. Обе деревянные крепости сильно обветшали. В Сумском остроге обвалилась стена. После начала войны стали спешно приниматься меры по восстановлению укреплений и приведению обеих небольших крепостей в полную боевую готовность. После поражения под Нарвой в ноябре 1700 г. Петр I отдал специальный приказ об оставлении всех пушек в Соловецком монастыре и подчиненных ему Кемском и Сумском острогах, ввиду их близости к «свейскому рубежу». Остальные северные монастыри получили предписание незамедлительно «прислать к Москве» все имеющиеся у них орудия на пополнение армейской артиллерии [21, с. 65-66].

К 1700 г. российские вооруженные силы в Северной Карелии были представлены небольшим постоянным гарнизоном в Кемском остроге. На границе располагались незначительные заставы. Их единственное предназначение состояло в предупреждении местных жителей о грозящей им опасности. Сохранилось красноречивое описание одной из таких застав. «От рубежа три дороги, – доносили крестьяне Панозерского погоста в начале 1701 г., – сирота на самой дороге летом и зимой живет, и дано ему денег от миру три рубли» [20, л. 1]. Такая стража, конечно, не могла быть эффективной. Весной 1701 г. из Архангельска для защиты края прибыли три сотни стрельцов во главе с капитаном Алексеем Капрановым, которые разместились в Кемском и Сумском острогах, откуда они могли отражать нападения неприятеля и с суши, и с моря. Местным рыбакам запретили выходить в море, где безраздельно господствовал шведский флот [21, с. 29, 364].

В свою очередь, шведское командование в первые месяцы войны собрало в главной приграничной крепости Северной Финляндии Каянеборге около 500

солдат и ополченцев из числа местных крестьян. Обе стороны старались, по мере сил, задержать начало военных действий. Как видно из «сказки» (показаний) подужемцев А. Семенова и И. Александрова, «начальные люди» шведов заявили русским, посланным на рубеж «для проведывания», что «мы де рады на здешнем рубеже миру держат». Они ссылались на грамоты своего короля, в которых предписывалось поддерживать мирные отношения с русскими. Жители Каянеборга ратовали за то, «чтоб никому никого не разорят, вам бы без государева указа на нас за рубеж не идти войною и нам без королевского указа к вам не идти войною» [21, с. 365]. Крестьяне шведской провинции Эстерботния и сопредельных волостей Северной Карелии в конце 1700 – начале 1701 гг. по собственной инициативе заключили пограничное перемирие. Нетрадиционная для военного времени ситуация объяснялась тем, что население Эстерботнии сильно зависело от торговли с Российской Карелией, откуда финны получали жизненно необходимые товары: хлеб, соль, сало. Поддержание мирных отношений даже в условиях войны позволяло сохранить сложившуюся систему приграничной торговли, центром которой являлся город Каянеборг [4, с. 50-58].

Другим значимым театром военных действий в Карелии становилось Северное Приладожье. Но и здесь, как в Поморье, оборонительные сооружения находились в неудовлетворительном состоянии. Давно не ремонтировавшиеся стены Олонца, главного российского форпоста на данном направлении, во многих местах прогнили и покосились. На ряде участков вдоль реки Мегреги укрепления обвалились до основания. С началом войны начался ремонт стен. Одновременно увеличивалась численность вооруженных сил. В Олонецком уезде приказано было набрать в солдаты «вольных изо всяких чинов людей триста человек добрых». Главнокомандующему русской армией Б.П. Шереметеву предписывалось направить в Олонец подкрепление. Успех обороны в значительной мере предопределялся позицией местного населения. До начала боев среди карельского населения Западного Приладожья появились желающие «присоединиться к России прежде, чем военное положение

принудит к этому» [26, с. 234]. Помимо общности православной веры, исповедуемой значительной частью населения по обе стороны границы, существенное влияние на отношения между карелами и русскими оказывали порубежные торговые связи. Примечательно, что именно крестьяне-торговцы принесли местным жителям из-за пограничного рубежа тревожную весть о начале войны. В 1700 г. группа православных карелов из Сортавалы сделала попытку бежать со всем имуществом через русско-шведскую границу, но была задержана шведами [25, с. 29].

Военные действия в Северном Приладожье начались в ноябре 1700 г. Карелы из прихода Салми, находившегося в то время под властью шведов, передали русскому командованию сведения о расположении и численности шведских пограничных застав. Русские войска из Олонца совершили удачный набег на пограничные отряды противника и увели в плен значительное число солдат, офицера и двух помещиков. Ответный рейд неприятеля не заставил себя долго ждать. В начале 1701 г. в Салминский приход Кексгольмского уезда шведы направили отряд численностью около 1000 человек. Предполагалось, что они будут наступать по дороге от Салми через Кондуши на Олонец. Сообщение встревожило олонецкого воеводу С. Барятинского, в распоряжении которого имелось всего 954 человека. Из них прошли обучение военному делу 300 стрельцов и два пушкаря. Остальные защитники крепости были ополченцами, спешно набранными из местного населения. Но шведы отступили, получив отпор от гарнизона Кондушской пограничной заставы под командованием прапорщика Ходыченкова [22, с. 186].

Как видно из описаний первых лет войны, стороны изучали системы обороны друг друга, не спеша ввязываться в серьезные сражения. Картину боевых действий дополняли описания походов крестьян-ополченцев под руководством священника Ивана Окулова. По образному выражению Петра I, священник открывал своим прихожанам путь не только в Царствие Небесное, но и на вражескую территорию. «Слыхал ли кто такое диво, – говорил царь, – что поп учит духовных сынов: отворите врата купно в рай и в шведскую

область!». Смелые рейды Окулова снискали ему всероссийскую славу. В сентябре 1702 г. воевода Борятинский по распоряжению царя получил указ «о дозволении выходцу священнику Ивану Окулову со всеми при нем будущими охотными людьми чинить над шведами военный промысел».

Воевода обязывался всячески способствовать деятельности карельских партизан, «давать им по желанию их к тому промыслу порох и свинец». Одновременно строжайше запрещалось чинить партизанам какие-либо «препятствия и обиды», брать взятки с их трофеев. В царском указе упоминалось о ранее захваченных Иваном Окуловым шведских пушках, за которые ему надлежало получить денежное вознаграждение [10, с. 60-61]. Отряд Окулова, состоявший примерно из 1000 вооруженных людей, хорошо знавших местность и связанных с ее жителями, представлял собой грозную военную силу. Карельские ополченцы разорили четыре шведские заставы и тем самым уничтожили систему пограничной стражи противника на самом ответственном ее участке вблизи Олонца и Ладожского озера. По рассказу денщика Петра I А. Нартова, в награду за успешные действия царь пожаловал И. Окулову 200 рублей деньгами, дорогую рясу, золотую медаль и распорядился построить для священника дом в Олонце. Награды получили и рядовые ополченцы. Каждому из них выдали из казенных припасов «по хорошему русскому кафтану, по два рубля денег и по тесаку для обороны, впредь чтоб носили его за свою службу» [24, с. 112].

Одним из важнейших мероприятий времен Северной войны стала так называемая «Осударева дорога». Так принято называть события июня-августа 1702 г., связанные со строительством сухопутной трассы на водоразделе Белого моря и Онежского озера и преодолением ее отрядом под командованием Петра I с двумя фрегатами: «Святой Дух» и «Курьер». Корабли планировалось использовать при осаде шведской крепости Нотебург, а в дальнейшем – в боевых действиях на Балтике [14, с. 84-85]. Смелый план продвижения отряда разработан сержантом лейб-гвардии М. Щепотевым. Строительство дороги началось в июле 1702 г. Около пяти тысяч работников из Нюхчи, Сумского

Посада, Кеми, Каргополя, Белоозера, Выгозерского погоста приступили к прокладке дороги. Строительство велось силами двух, северной и южной, самостоятельных групп, продвигавшихся навстречу друг другу. Северный участок, равный 94 верстам, включал строительство пристани на мысе Вардегора на Белом море, прокладку дороги по реке Нюхча до озера Пулозеро и далее до деревни Вожмосалма на берегу Выгозера. Южный участок составил 80 верст. Менее чем за один месяц дорогу подготовили для волока кораблей и перемещения лейб-гвардии Петра Великого [14, с. 87-89].

Одновременно велось строительство фрегатов. 5 мая 1702 г. они были спущены на воду. «Известую тебе, государь, – сообщал в августе 1702 г. М. Щепотев, – по указу твоему, послал я для очистки дорожной и тое дорогу делаю от Нюхоцкой волости и сделана до Ветреной Горы 30 верст и далее... Государь, дорога и пристань и подводы и суды на Онеге готовы». В ночь на 17 августа 1702 г. фрегаты были подняты на сушу и вмонтированы в «берлины» – специальные конструкции для удержания килевых судов в вертикальном положении. К 26 августа 1702 г. корабли находились в Повенце. В дальнейшем царю и его спутникам пришлось из-за встречного ветра бросить корабли в Сермаксе, а самим идти пешком к Ладогге. Тяжкие труды и многочисленные жертвы, связанные с «Осударевой дорогой», не принесли ожидаемого эффекта. При осаде Нотебурга корабли не смогли воспрепятствовать прорыву двух шведских судов с подкреплением гарнизону Нотебурга, обложенного русскими войсками со всех сторон [1, с. 24; 2, с. 128; 9, с. 59].

К концу 1703 г. ситуация в Приладожье претерпела заметные изменения. С основанием Олонецкой (Лодейнопольской) верфи и началом строительства Петровских горных заводов стратегическая роль Олонца, прикрывавшего от шведских атак Прионежье и Присвирье, существенно возросла. Русское командование сосредоточило в районе Олонца до 6 тыс. человек, что составляло до 10% численности всей действующей армии. Не ограничиваясь оборонительными мерами, командующий размещенными здесь вооруженными силами П.М. Апраксин, опираясь на Контушскую и Туломозерскую заставы,

организовал разведку в расположение шведских войск в 20-30 км западнее границы. После проведенной разведки отряд П.М. Апраксина (1300 пехотинцев и 700 кавалеристов) в январе 1705 г., перейдя по льду Ладожское озеро, уничтожил шведский гарнизон Сортавалы и пришедшее ему на подмогу подкрепление. Два полка противника, стоявшие в 40 верстах южнее Сортавалы, заметив приближение российских войск, поспешно отступили. Во время операции шведы потеряли до 300 человек убитыми и около 50 пленными. Русский отряд, подвергнув Сортвалу разорению, вернулся на исходные позиции. Смелый рейд Апраксина нанес серьезное поражение приладожской группировке противника и сорвал его планы предпринять поход на Олонец [26, с. 58-59].

Взятые в плен Сортвалой шведские солдаты и офицеры сообщали о тяжелых потерях в своих частях. В двух полках, в которых они служили, раньше насчитывалось до 1200 человек. В 1704 г. под Нарвой при ее взятии русскими войсками и в других боях потери составили до половины личного состава. Ко времени похода П.М. Апраксина на Сортвалу в строю имелось около 600 человек. Последующие потери совершенно обескровили эти части. Дислоцированный южнее, в районе Выборга, корпус генерала Г.Х. Майделя численностью 8 тыс. человек не мог оказать им поддержку, поскольку отвечал за оборону Карельского перешейка. Из-за тяжелых потерь командование противника лишилось сил для проведения крупных операций на карельском участке фронта. Теперь шведы ограничивались вылазками для причинения российской стороне экономического ущерба. В 1704 г. они разорили и сожгли в селениях Кондушской волости 27 дворов, в 1705 г. в Нялмозерской волости уничтожили 7 дворов, в 1706 г. в Видлицкой волости – 26 дворов. В целом военная активность в Приладожье оставалась незначительной.

Победа под Полтавой в корне изменила ход Северной войны в пользу России. Русская армия перешла в решительное наступление на всех фронтах. Направленный в марте 1710 г. Петром I на Карельский перешеек армейский корпус генерал-адмирала Ф.М. Апраксина численностью 15 тыс. человек,

выступив с острова Котлин, преодолел по льду Финский залив и осадил Выборг. После почти четырехмесячной осады, когда русские войска развернули подготовку к решающему штурму, шведская крепость, ранее считавшаяся неприступной, капитулировала. 14 июня 1710 г. Петр I во главе гвардейского Преображенского полка вошел в город. В сентябре того же года корпус Ф.М. Апраксина принудил к сдаче гарнизон Кексгольма (Карелы). Со взятием Кексгольма завершилась столетняя оккупация шведами Карельского перешейка [12, с. 101]. Военные действия переместились на территорию Финляндии. Угроза вторжения противника на олонецком направлении окончательно миновала. В то же время начала обостряться обстановка на северо-карельском фланге русско-шведской границы. В ноябре 1708 г. шведы впервые нарушили прежде неукоснительно соблюдавшееся крестьянское «пограничное перемирие». Их отряд перешел границу, вторгся в Ребольскую волость и сжег в пяти деревнях Лендерской четверти 50 крестьянских дворов. Планировался и более масштабный поход на Лопские погосты, Кемский городок и Сумской острог, но своевременная переброска русских отрядов сорвала планы противника.

Наиболее значительные столкновения на северном участке русско-шведского порубежья связаны с событиями, получившими название «Сермяжной войны». В 1711 г. четверо карельских крестьян – Филипп Симонов, Степан Тийволайнен, Иван Перттунен и Яков Ремсу, невзирая на продолжающуюся войну, привезли на продажу в Каянеборг с оплатой приграничных пошлин около 5 тыс. аршин сермяги. Но здесь выяснилось, что в округе свирепствует чума, и традиционный ярмарочный торг запрещен. Торговцы оставили товар у знакомых. Через год крестьяне узнали, что полотно конфисковано шведскими таможенниками как контрабандный товар. Возмущенные несправедливостью, карельские крестьяне решили отомстить. Они пожаловались русским властям в Кексгольме, отвоеванном к тому времени у шведов. Для предстоящего похода на врага комендант Кексгольма выделил всего около 150 солдат. К ним присоединялись местные крестьяне – карелы и

финны. Они решили использовать представившуюся им редкую возможность для расправы с ненавистным шведским помещиком-арендатором С. Аффлеком, усадьба которого располагалась близ Каянеборга. В ночь на 13 марта 1712 г. сборное войско вошло на территорию Каянского лена. Вскоре город Каянеборг и несколько дворов шведских чиновников в приходах Соткамо и Пальтамо оказались захвачены. Воспользоваться успехом ни регулярные русские части, ни восставшие крестьяне не смогли. Русские солдаты вскоре вернулись в свой гарнизон, а восстание быстро и сурово подавил шведский отряд под руководством самого Аффлека [5, с. 101-102].

Последним всплеском боевой активности шведов в Северной Карелии стал 22-дневный рейд отряда из Каянеборга под командованием майора С. Энберга по селениям приграничных Панозерского, Ребольского и Ругозерского погостов в марте-апреле 1718 г. Рейд носил откровенно грабительский характер. В Панозерском и Ребольском погостах солдаты противника изъяли у крестьян около 6 тыс. пудов зерна, угнали более 700 голов крупного и мелкого скота, забрали 228 сетей и неводов, отняли у местных крестьян до 3 тыс. аршин холста и много другого имущества. Грабежи сопровождалась поджогами домов и убийствами. При приближении отпущенного в Беломорскую Карелию с Петровских заводов русского отряда шведы отступили за границу [27, с. 110].

В ходе Северной войны боевые действия в Карелии играли второстепенную, вспомогательную роль. Их значение состояло в том, что в результате совместных усилий русских регулярных войск и ополченцев из местного населения удалось отстоять обширный порубежный край и созданные на его территории значимые военные предприятия. Закономерным итогом победоносной для России Северной войны стал Ништадтский мирный договор, подписанный 30 августа 1721 г. Между Россией и Швецией устанавливался «вечный, истинный и ненарушимый мир на земле и воде». Швеция уступала Петру Великому и его преемникам «в полное и вечное владение и собственность» обширные территории, завоеванные русским оружием:

Ингерманландию, Карельский перешеек с Выборгом и Кексгольмом, Северо-Западное Приладожье, Эстляндию с островами Эзель и Даго.

Российско-шведский договор 1721 г. в России считали триумфом нарождающейся империи. В Швеции он породил реваншистские настроения. На риксдаге авантюристическая партия «шляп» – сторонников войны с Россией – взяла верх. На военные расходы были выделены дополнительные средства; вскоре (в 1741 г.) объявлена сама война. Силой оружия шведы рассчитывали добиться изменения границ, установленных Ништадтским мирным договором. С началом войны Олонец вновь стал одним из главных центров сосредоточения русских войск. К организации отпора шведам привлекалось местное население. Как видно из донесения в Олонецкую ратушу посадского Родиона Протопопова, в 1741 г. жители Олонца получили распоряжение «сообщась следовать с гусарскими полками для поиску и сильного отпору над неприятелем». Поскольку выяснилось, что находящееся в городе казенное оружие «не токмо к действию, но и к починке состоит весьма негодное», да к тому же недостает и пороха, то обыватели получили приказ явиться с «домашним ружьем» [19, л. 219].

Аналогичные приготовления развернулись и в будущем Петрозаводске. В декабре 1741 г. канцелярия Петровских заводов получила императорский указ об усилении охраны находящейся на заводах «денежной и пороховой казны» в связи с начавшейся русско-шведской войной. В случае нехватки находящихся при заводах военнслужащих разрешалось привлекать к несению караульной службы мастеровых людей, «понеже содержатся на жалованье». С целями поимки вражеских шпионов и отпора возможному нападению шведов рекомендовалось призвать «блис тех заводов со околних деревень людей для опасения с ружьями». Для ведения операций в зимнее время командование предписывало создавать карельские лыжные отряды, «как то в преждебывшую войну с немалою пользой происходило». На крестьянское население прифронтового края, как и всегда в военное время, возлагались дополнительные повинности по обеспечению нужд действующей армии.

Крестьянам надлежало выделять стрелков на заставы, обеспечивать их одеждой и провиантом, предоставлять подводы для военных грузов, поставлять фураж, причем нередко бесплатно. Летом 1741 г. приписные крестьяне, несмотря на страдную пору, ежедневно направляли по 300 работников на строительство укреплений вокруг Кончезерского завода, возводившихся на случай возможного прорыва неприятеля вглубь Карелии [8, с. 279].

Боевые действия начались с нападения шведов на русские пограничные заставы в Приладожье и похода их ударной группировки на Выборг. Однако добраться до Выборга шведам не удалось. Русские войска остановили продвижение противника, перешли в контрнаступление и в первом же крупном сражении при крепости Вильманstrand 23 августа 1741 г. нанесли ему поражение. Крепость, служившая опорным пунктом для вторжений в Российскую Карелию, пала. Зимой 1741-1742 гг. войска обеих сторон находились на зимних квартирах. Российские отряды сосредотачивались в основном в районах Выборга, Кексгольма, Сердоболя (Сортавалы) и Олонца. Они несли караульную службу и совершали разведывательные вылазки на территорию противника. С наступлением весны бои возобновились. В апреле 1742 г. пехотная рота Венгерского полка и «доброконная гусарская команда» численностью 250 человек выступили из Сердоболя «за границу на неприятельскую землю для поиска над противником и для причинения ему наичувствительнейшего вреда».

Поход завершился неудачей: «неприятельских домов обыватели из домов своих разбежались по лесам и по горам». Удовольствовавшись сожжением десятка деревень и пленением одного местного жителя, отряд вернулся в Сердоболь. Причиной скромных результатов похода стала, вероятнее всего, договоренность, заключенная между жителями Иломанского погоста и сопредельных российских территорий, населенных карелами, об отказе от приграничных столкновений и взаимном предупреждении о действиях армии. Как явствует из донесения командующего русской армией генерал-фельдмаршала П.П. Ласси в правительствующий Сенат, крестьяне, живущие по

обе стороны границы, «дали <...> присягу и крестное целование, чтоб те деревни, в которых живут они, как на шведской стороне, так и на российской, домов их и пожитков воровски не разорять, а жить по-прежнему в соседстве». Более того, они обязывались оперативно информировать своих соседей о передвижении солдат: «а что слышно будет о приходе российского войска, то дать известие» [19, л. 224].

Командование российских войск ожидало ответных вторжений шведов и по мере сил готовилось к ним. Предполагалось, что нападению шведов подвергнутся Кончезерский завод и по-прежнему располагавшаяся в устье Лососинки канцелярия Олонецких Петровских заводов. Тревога особенно усилилась в июне 1742 г.: поступили «промемории» из Олонецкой воеводской канцелярии и от полковника Орлова о готовящемся шведами нападении на заводы. В документах указывалось, что шведами собран отряд «в числе семи сот человек». Они «намерение имеют идти потайным образом к разорительному поиску в Олонецком уезде в Шуезерский погост, також на Петровские и Кончезерские заводы» [11, с. 54]. Аналогичные намерения имел, судя по «промемориям» и другой шведский отряд, собранный для похода «в российскую землю» в городе Нейшлоте с целью разорения заводов и приписных к ним волостей. Опасность представлялась вполне реальной. В апреле 1742 г. казаки бригадира Краснощекова внезапно «наехали на шведскую партию», с которой им пришлось вступить в «сильное сражение» у деревни Кунки Сязозерской волости [17, с. 338].

Усилив охрану заводов, канцелярия распорядилась послать старостам прилегающих к заводам волостей указ, «дабы оные всемерно и с крестьянами от неприятельского впадения зело всеусердно предосторожность к отпору имели до положения живота своево <...> с оружием, каковое имеется, неотменно» [18, л. 12]. Однако в действительности обыватели Петровских заводов пострадали не от коварного врага, а от произвола российских войск. Размещенные на постой солдаты, судя по прошениям мастеровых, регулярно грабили местных жителей. Они брали «самосильством безденежно овес и сено

и харчевые припасы по ночам, по пожням ездят и без ведома их (жителей слободы – М.П.) сено грабежом возят <...> и бьют их непомерным боем». Заводская канцелярия, действуя в интересах местных жителей, требовала от Молдавского гусарского полка заплатить за все полученные военными «припасы», но все ее отчаянные обращения остались без ответа [18, л. 14].

В отличие от основного прибалтийского театра военных действий, активность сторон на фронте к северу от Ладожского озера в течение войны проявлялась, главным образом, в локальных приграничных стычках и разведывательно-диверсионных рейдах, от которых преимущественно страдало крестьянское население. Жители Лопского Селецкого погоста в 1742 г. сообщали Олонецкой воеводской канцелярии, что от неоднократных набегов шведских отрядов в погосте уничтожены три деревни. В них совершенно отсутствуют жители и нет перспектив возрождения в ближайшем будущем: «две часовни <...> до основания разорены и выжжены все без остатку, крестьянский скот и всякая домовая их рухлядь вся пограблена и <...> из ста душ <...> шведами побито десять человек до смерти, а остальные от страху разбежались» [19, л. 54].

Аналогичные события имели место и в соседних Ругозерском, Шуезерском и Ребольском погостах. Как видно из донесения Новгородской губернской канцелярии в Сенат, в эти погосты в августе 1742 г. «пришел из Финляндии из Лексинского и Иломанского погостов финские обыватели двумя трактами до ста человек с ружьем» и в ряде селений «дворы <...> разорили и выжгли, и имения их крестьянские, и скот пограбили, свезли с собою в Финляндию». В свою очередь, полковник Виткович, руководивший одним из ответных рейдов на шведскую территорию, который был предпринят в декабре 1742 г. из деревни Лубосалмы Селецкого погоста, докладывал об значимых итогах операции: «как хоромное строение до основания, також и хлеб, в скирдах рожь и прочую пашню около деревни и в прочих местах разорено и живущих в тех деревнях обывателей швецких мужеского и женска полу робят, где что нашед, с их конями и скотом все забраны» [19, л. 56].

В августе 1742 г. шведская армия капитулировала, что предрешило оккупацию русскими войсками почти всей территории Финляндии. В 1743 г. всем бедствиям и ужасам войны пришел конец. Русские войска, прикрываемые с моря эскадрой З.Д. Мишукова, развернули широкомасштабное наступление вдоль южного побережья Финляндии. Они овладели опорной крепостью шведов Фридрихсгамом. Затем в результате умелого маневра блокировали основные силы противника в районе Гельсингфорса. Заключенный по окончании войны в августе 1743 г. Абоский мирный договор не отразил результаты впечатляющих побед русского оружия. Россия приобрела лишь незначительную, хотя и стратегически важную территорию на юго-востоке Финляндии, близ реки Кюмень с городами-крепостями Вильманstrand, Фридрихсгам и Нейшлот. Гораздо более значительными стали уступки Швеции в династических вопросах. Зная о тесных связях Романовых с Гольштейн-Готторпами, риксдаг обещал избрать наследником престола Адольфа Фридриха Гольштейн-Готторпского. В ответ императрица Елизавета Петровна вернула Швеции большую часть Финляндии [23, с. 126].

В 1788 г., воспользовавшись отвлечением основных, наиболее боеспособных сил России на затяжную войну с Турцией, шведский король Густав III двинул войска на Петербург [6, с. 34]. Реваншистские планы шведов стали известны российскому правительству задолго до вторжения, поскольку русские располагали собственными агентами в руководстве сопредельной страны. В 1786 г. Екатерина II, сообщая олонецкому и архангельскому генерал-губернатору Т.И. Тутолмину тревожную весть о военных приготовлениях Швеции, предписывала: «Состоящий в Олонецкой губернии Белозерский пехотный полк, по лучшему на месте благорассмотрению, расположить таким образом, дабы он, охраняя часть Олонецкой губернии противу Шведской Карелии и заводы, мог противустать всякому покушению в ту сторону» [3, с. 231].

Заблаговременно были приняты меры и по улучшению охраны русско-шведской границы. Только на территории Повенецкого уезда располагалось 11

пограничных застав, на которых постоянно находились 20 военнослужащих (рядовых, сержантов и капралов). Заставы не могли сдержать наступление противника. Они выполняли задачи, присущие пограничной страже, но наряду с таможенным контролем вели сбор оперативной информации о мероприятиях противника в приграничье. К числу благоприятных для русской стороны факторов следует также отнести разногласия в стане противника. Дворянская оппозиция, считая единоличное решение короля Густава III о нападении на Россию незаконным, организовала в Финляндии Аньяльскую унию, названную так по финскому местечку Аньяла. Офицеры-участники унии требовали от короля прекращения войны, возврата к конституционному правлению и начала переговоров с правительством Екатерины II. Они даже вступили в мирные контакты с русской стороной [13, с. 101; 15, с. 159-167].

Негативно относились к войне и финские крестьяне, из которых шведские власти без особого успеха пытались сформировать ополчение. Авантюристический характер военных действий слишком очевиден. Привлечение ополченцев к участию в длительных походах и кровопролитных боях могло оказать пагубное воздействие на крестьянское хозяйство. И все же военное вторжение Швеции, даже ослабленной внутренними противоречиями, представляло серьезную угрозу для России. Началось пополнение воинских частей, находящихся на территории Карелии. Белозерский пехотный полк доукомплектовали и привели в состояние повышенной боевой готовности. По предложению Т.И. Тутолмина из бобылей Выборгской губернии, изъявивших желание поступить на военную службу, сформировали Олонецкий егерский батальон «для закрытия обширных границ Олонецкой губернии». После участия в боевых действиях батальон дислоцировался в Петрозаводске, его солдаты трудились на Александровском заводе. Для пополнения российских вооруженных сил командование начало мобилизацию стрелков из числа местных жителей. Ополченцев привлекали обещанием, что каждый из них после окончания военной кампании «в дома свои отпуск получит и никогда уже впредь лично в рекруты взят не будет» [3, с. 458].

В состав войск, привлеченных к военным действиям в 1788-1790 гг., входили, по данным Государственного совета, егерский корпус, 12 мушкетерских полков, три карабинерных, два кирасирских, драгунский, гусарский и гренадерский полки, 1100 донских казаков и 1500 нерегулярной кавалерии – «башкирцев». Выполнение вспомогательных работ по обслуживанию действующей армии в прифронтовой полосе (перевозка провианта и военных грузов, расчистка дорог, содержание кордонов и пр.) вновь, как и в предшествующую войну, возлагалось на местное население. В пределах Олонецкого наместничества к таким работам особенно активно привлекались крестьяне Вокнаволоцкой, Колежемской, Летнерецкой, Ньюхоцкой, Сороцкой, Шиженской, Шуерецкой волостей, а также Панозерского, Паданского, Ребольского и Ругозерского погостов. Принятые правительством меры по организации отпора противнику быстро увенчались успехом. После того, как попытки шведского командования создать ополчение из финских крестьян провалились, военные действия на суше ограничились несколькими приграничными столкновениями. Главную неудачу шведы потерпели на море. В августе 1789 г. в бою при Роченсальме российский флот почти полностью уничтожил шведскую эскадру. 3 августа 1790 г. в финской деревне Вереле заключен мирный договор, не внесший никаких территориальных изменений; документ в очередной раз подтвердил статьи Ништадтского мирного договора [16, с. 53-59].

Российско-шведское противостояние завершилось небольшой победоносной войной 1808-1809 гг. Начиная кампанию, правительство Александра I учитывало рост сепаратистских настроений в Финляндии и стремилось к полному отторжению ее от Швеции. Военные действия не затронули территорию Карелии. Главными опорными базами для русских войск послужили ранее отвоеванные у Швеции крепости в юго-восточной Финляндии – Фридрихсгам, Вильманstrand и Нейшлот. Русская армия, численно заметно превосходившая шведские силы, которые придерживались оборонительной тактики, к концу 1808 г. заняла почти всю Финляндию. Бои удалось перенести

на территорию Швеции. Возникшая угроза Стокгольму вынудила короля Карла XIII начать переговоры с Россией, которые завершились 5 сентября 1809 г. в Фридрихсгаме подписанием мирного договора. По новому соглашению Финляндия отходила России на правах автономного Великого княжества, что существенным образом меняло геополитическое положение Карелии. Бывшая граница со Швецией, откуда на протяжении многих веков на карельскую землю приходила война и разорение, становилась безопасной, мирной границей с автономным государством в составе Российской империи.

Список литературы:

1. А.Г.-ъ. Осударева дорога // Морской вестник. 1879. Кн. IV. С. 23-29.
2. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 496 с.
3. Архив Государственного совета. Т. 1: Совет в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1869. 658 с.
4. Беспярых Ю.Н. «Крестьянское перемирие» и пограничная торговля между северными районами России и шведской Финляндии в начале XVIII в. // Скандинавский сборник. Вып. XXV. Таллинн, 1980. С. 50-58.
5. Беспярых Ю.Н., Коваленко Г.М. Карелия при Петре I. Петрозаводск: Карелия, 1988. 236 с.
6. Брикнер А. Война России с Швецией в 1788-1790 гг. СПб., 1869. 336 с.
7. Глаголева А.П. Олонекские горные заводы в первой четверти XVIII века. М.: Наука, 1957. 388 с.
8. Глаголева А.П. К истории приписных крестьян в XVIII в. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М.: Наука, 1952. С. 278-283.
9. Данков М.Ю. «Осударева дорога» // Материалы по исторической географии Севера Европы. Вып. 1. Петрозаводск, 1996. С. 12-18.
10. Журнал или поденная записка блаженныя и вечно достойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштадтского мира. СПб., 1770. Ч. 1. 336 с.

11. История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. 458 с.
12. История Северной войны. 1700-1721 гг. М.: Наука, 1987. 328 с.
13. Кан А.С. История скандинавских стран. М.: Высшая школа, 1971. 316 с.
14. Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб.: Историческая иллюстрация, 2011. 312 с.
15. Лайдинен А.П. К оценке Аньяльской конфедерации в русской дореволюционной и зарубежной исторической литературе // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1974. С. 159-167.
16. Осяев А.Г. Внешняя политика Густава III в период 1772-1790 гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 3. С. 53-59.
17. Петрозаводск. 300 лет истории: Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 2001. Кн. 1. 415 с.
18. Протоколы Канцелярии Олонецких Петровских заводов // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 445. Оп. 1. Д. 34.
19. Протоколы Сената // Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Кн. 53.
20. Прошение крестьян Панозерского погоста // Государственный архив Архангельской области. Ф. 1829. Оп. 1. Д. 14.
21. Тревожные годы Архангельска. 1700-1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск: «Правада Севера», 1993. 432 с.
22. Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 388 с.
23. Шпилевский Н. Описание войны между Россией и Швецией в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб., 1859. 342 с.
24. Шутой В. Партизан Иван Окулов // На рубеже. 1960. № 6. С. 111-116.
25. Karttunen U. Sortavalan kaupungin historia. Sortavala, 1932. 346 s.

26. Kuujo E., Tiainen J., Karttunen E. Sortavalan kaupungin historia. Jyväskylä, 1970. 562 s.

27. Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600-1800 luvulla. Helsinki, 1995. 432 s.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.